

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ (ст. 69—192)

Зевс, увидав, что друг с другом богини враждуют, Гермесу
Дал порученье, к нему обратясь с такими словами:
«Если у Ксанфа, реки, что близ Иды течет, ты увидишь
Сына Приама, Париса, прекрасного юного мужа,
Он возле Трои в горах обитает, пася свое стадо,
Яблоко дашь ты ему — он судьей над богинями будет;
Пусть он оценит красу их очей и прелесть их лика.
Та, что всех больше пленит его красотой расцветшей,
Та и получит в награду тот дар, чем чаруют Эроты».
Вот что владыка Кронид велел Гермесу исполнить;
Выслушав волю отца, Гермес покорился охотно,
Быстро отправился в путь и богинь посетил по порядку;
Все о своей красоте в тот день неустанно радели.
Замысел хитрый тая и, сбросив повязку, Киприда
Косы густые свои распустила и пышные пряди
Нитью златой обвила и венком золотым увенчалась.
После, Эротов призвав, им такое дала наставленье:
«Битва близка, мои дети! Придите к родимой на помощь.
Завтра придется предстать на суд над моей красотой;
Как я боюсь! Не другой ли достанется яблоко это?
Той, кто взрастила Харит, почитается издавна Гера;
С Зевсом престол разделяет и скипетром царским владеет.
Все называют Афину царицей войны и сражений.
Только одна я, Киприда, бессильна; ни царского трона
Нет у меня; ни меча боевого, ни стрел не имею;
Впрочем—чего ж мне бояться? Не нужны мне острые копья;
Быстрый в руках моих меч — любовные сладкие цепи;
Пояс на мне, и бич мой в руке, и лук мой натянут;
Пояс любви,— и стрела от него вонзается в сердце,
Женщинам боль причиняет, но смерти она не приносит.
Розовоперстой Киприды слова услышавши, Эроты
Матери милой веленья охотно послушались: следом
Все полетели они за ней веселой толпою.
Скоро достигли они крутых перевалов Идейских;
Там, под высокой скалой, где кругом громоздились утесы,
Юный Парис сторожил стада, достоянье отцово.
Он, разделив свое стадо, на двух побережьях потока
Порознь их пас; на том берегу быки и коровы,
Здесь, пересчитаны точно, паслись отары овечьи.
Шкурою горной козы был одет он в ту пору; спускалась
С плеч его низко она, покрывая и спину, и бедра;
Посохом крепким своим быков погонял он, и часто
Брал в свои руки свирель и, бродя за пасшимся стадом,
Песню звенящую петь заставлял тростники луговые.
Часто напев запевая, один, меж овечьих загонов,
Он о быках забывал, и об овцах заботы не ведал;
Иль, соблюдая обычай пастуший, играл на свирели;
Пана он чтит иль Гермеса, прелестные песни слагая;
Псы замолкали тогда, мычанье быков затихало,
Только в дыхании ветра, своей лишенная речи
С высей Идейских ему в ответ откликалось Эхо;
И отдыхало кругом, насытившись пышной травой,

Стадо быков на лугу, подогнув тяжелые ноги.
 Раз, на свирели играя, вдали, над травой высокой,
 Вдруг он Гермеса узрел, богов посланника; тотчас
 На ноги в страхе вскочил — богов он дотол не видел;
 Звонкий тростник свой повесил на ветку могучего дуба;
 Песню лишь только начав, ее оборвал, не закончив.
 С речью такой обратился Гермес к пораженному страхом:
 «Брось ты подойник пастуший и с пастбищем пышным расстанься,
 Будешь ты нынче богинь судить судом справедливым.
 Прелесть их дивной красоты оцени и яблоком этим
 Ту, что прекраснее всех, ты наградой желанной порадуй».

Вот что Гермес приказал; и, взор устремив безмятежный,
 Суд свой Парис попытался свершить над каждой богиней:
 Блеск их очей голубых он узрел, в золотом ожерелье
 Стройную шею, и пышный убор, и роскошь наряда,
 Тонкой лодыжки размер и узкий след от подошвы.
 Он улыбнулся и руку поднял; но суда не дождавшись,
 С речью такой к Александру тотчас обратилась Афина:
 «Чадо Приама, свой взор отврати ты от Зевса супруги,
 И Афродите не чти, что царит лишь в спальнях покоях,
 Честь ты Афине воздай! Она вдохнет в тебя силу,
 Станешь ты в Трое владыкой и станешь хранителем града,
 Будешь спасителем сотен мужей в тяжелых сраженьях,
 Грозной Энио рука тебя поразить не посмеет,
 Будь мне послушен, — и я научу тебя доблести ратной».

Так говорила ему хитроумная дева Афина;
 Но, прерывая ее, белорукая молвила Гера:
 «Если присудишь ты мне награду прекрасную нынче,
 Я властелином тебя над Азией всею поставлю.
 Презри же воинский труд! Что за дело царю до сражений?
 Царь повеленья свои дает и храбрым, и робким;
 Славу стяжают не все, кто верно служит Афине;
 Слуг злополучных Энио безвременно смерть настигает».

Так обещала Парису владычество Гера царица.
 Пеплосом с поясом низким Киприда взмахнула высоко,
 Складки его подняла, со стыдливостью женской расставшись,
 Пояс слегка распустила — Эротов прелестные цепи —
 Грудь обнажила свою и ее красоту показала,
 После ж с улыбкою сладкой она к пастуху обратилась:
 «Глянь на мою красоту и забудь о войне и о битвах,
 Скипетр не нужен тебе, не нужны и Азии страны.
 Дел я военных не знаю. На что Афродите оружие?
 Женщины много скорей красотою стяжают победу.
 Дам вместо доблести я тебе дивную женщину в жены,
 Вместо престола царей ты взойдешь на ложе Елены.
 Мужем, любовью счастливым, увидит тебя Лакедемон».

Это сказав, замолчала Киприда. И яблоко отдал
 Ей, не колеблясь, Парис, за красу и в честь, и в награду,
 Семя войны роковой, ужасных походов зародыш.
 Яблоко взяв, Афродита, с насмешкою злой обратившись
 К Гере и к деве Афине, такое промолвила слово:
 «Что ж — откажитесь от распри и мне уступите победу!
 Я красоту избрала, и я красотою любима.
 Гера, тобою Арес был рожден; и в трудах ты, как слышно,
 Милых Харит воспитала святой хоровод; но Хариты
 Все отвернулись сейчас же, и ты в них подмоги не видишь.
 Ты — не царица войны, и огонь не ты возрастила;
 Власти твоей непокорен Арес, копьеборец безумный,

Пламя — под властью Гефеста, хотя ты Гефеста родила.
Ты ж величаешься тщетно напрасной отвагой, Афина,
Брачные узы тебя не родили, и мать не питала;
Нет — но железа удар и бесчувственный «корень железный»,
К жизни воззвал, не рождая, тебя из отцовского мозга.
Медной одеждою ты от глаз свое тело скрываешь,
Нежной любви избегая, гоняясь за делом Ареса,
Ты примиренью чужда, и с согласием ты незнакома.
Словно не ведаешь ты, что не слишком отважны в сраженьях
Девы, которые рвутся на бой и тешатся битвой,
Кем родились — непонятно, ни девы они, ни мужчины». —
С дерзкой насмешкой такой говорила с Афиной Киприда.
Так в состязанье победу, принесшую Трое погибель,
Геру с Афиной унизив, Киприда красою стяжала.

***